

Трансформация взглядов на творчество Г.Тукая в 1920 – 1930 гг.

Аннотация

В статье рассматривается отношение литературоведов и критиков к духовному наследию Г.Тукая в 20 – 30-е гг. XX в. В новых социокультурных и литературных условиях подвергаются критике дореволюционные концепции в изучении творчества поэта. Анализ полемики 1920-х гг. свидетельствует о влиянии на оценку произведений писателя различных теоретических школ. Но уже со второй половины 1920-х гг. в условиях форсированного формирования монистической концепции в советской литературе и соответствующей ей теории, в тукаеведении начинают доминировать принципы социологического направления.

Ключевые слова: культурно-историческая школа, марксистско-ленинская эстетика, формально-социологическая школа, вульгарно-социологическая методология.

Учение о творчестве Г.Тукая составляет основу татарского литературоведения XX в. В 1920 – 1930-е гг. духовное наследие этого великого таланта, рожденного национальным ренессансом, претерпевает сложную и противоречивую судьбу. «Даже при том, что в общем положительное отношение к творчеству Тукая сохранилось, каждая эпоха оценивает его по-своему, стараясь приспособить его к собственным интересам» [1, с.29].

Как известно, советское государство, строительство которого началось после 1917 г., в основу новой системы управления заложило идею превращения искусства в средство достижения собственных целей. В самой природе нового типа государства были заложены возможности развития именно такого искусства, играющего подчиненную, зависимую роль [2, с.9]

Государственная политика базировалась на идее служения искусства слова строительству социализма и его идеологии. В связи с этим в 1920-х гг. на страницах периодической печати разворачивается острая полемика, идут серьезные дискуссии вокруг учения марксистско-ленинской эстетики об искусстве и литературе, о литературном наследии, о возможности использования марксистско-ленинского учения для исследования литературного процесса, а также для анализа и оценки исторического пути, пройденного татарской литературой. Эти годы характеризуются разнообразием направлений и путей развития татарской литературно-теоретической мысли и острыми столкновениями различных взглядов. В новых социокультурных и литературных условиях усиливается интерес к теоретическим концепциям различных школ, в частности к отдельным принципам и положениям культурно-исторического направления. «Многие ведущие теоретики-литературоведы (Г.Ибрагимов, Г.Нигмати и др.) заинтересовались достижениями культурно-исторической школы, что привело к созданию учения, близкого к формально-социологической (П.Сакулин) школе. Даже принципы вульгарно-социологического направления использовались специфически: авторы соединяли их с некоторыми законами психологической школы» [3, с. 67]. Известный татарский литературовед Г.Ибрагимов и другие ученые в своей научно-теоретической деятельности при создании новой методологии

литературоведения и нового направления в изучении литературного движения основывались на законах этой школы. Как отмечает Э.Р.Галиева, «опыт эмпирического использования принципов культурно-исторической школы в 1920-х гг. мы прослеживаем в трудах Г.Губайдуллина, Г.Рахима, Дж. Валиди и др. Конкретные положения данной школы они представляют в своих работах, посвященных истории литературы. В тот период одним из первых теоретически обосновал и сформулировал принципы данной школы Галимджан Ибрагимов» [4, с. 28].

В связи с тем, что на повестку дня были поставлены вопросы написания истории татарской литературы и ее периодизации, литературоведы и критики начали всерьез размышлять о проблемах отношения к дооктябрьской словесности и критериях оценки классического литературного наследия. В статьях «Третья эпоха в татарской литературе (Постарайтесь понять!)», «Три эпохи в новейшей (последней) истории татар («Пути понимания»), «Метод марксизма в исследовании истории общественных и литературных движений» [5] в свете учения марксизма Г.Ибрагимов ещё большее значение придаёт связи между художественной литературой и господствующим общественно-экономическим строем, что является основой учения культурно-исторической школы. Опираясь на основополагающую мысль данной школы, он формулирует и своё правило: «Для изучения истории развития литературно-теоретической мысли необходимо взять за основу общественно-экономический базис и его общественные установки» [5, с. 331]. Г.Ибрагимов, таким образом, связал законы и принципы культурно-исторической школы с марксистско-ленинской эстетикой и адаптировал это учение к новым общественным условиям.

Исходя из вышеизложенных научных положений, Г.Ибрагимов высказывает свои взгляды на оценку литературно-культурного наследия в эпоху Тукая и Исхаки: «Мы, без всякого сомнения, можем использовать оценку как буржуазную или пролетарскую по отношению к литературе, философии, театру, школе и искусству, можем также делить литературных деятелей и периоды времени» [5, с. 243]. Узкоклассовый подход к искусству и абсолютизация его роли в художественном творчестве вызывают недовольство и тревогу у таких ученых, как Г.Губайдуллин, Дж. Валиди, Г.Рахим, которые в своей дооктябрьской научно-критической деятельности придерживались законов психологической школы. Они, «не соглашаясь с манерой оценки литературного наследия только с точки зрения его социальной значимости, утверждали необходимость учитывать и его эстетическую ценность» [5, с. 539].

Анализ литературно-критического материала начала 1920-х гг. показывает, что внедрение новых канонов искусства в общественное и художественное сознание встречало упорное сопротивление. Взаимоотношения между политическими и художественными критериями, между идеей и образом, нередко принимающие характер борьбы, свидетельствуют о том, что в искусство привносится нечто чуждое и оно сопротивляется этому. Характерный момент этой борьбы запечатлен в полемике Г.Ибрагимова с литературоведом Дж.Валиди, развернувшейся на страницах республиканской газеты «Татарстан хэбэрләре» [6, с.14]. Дискуссия, в основном, касалась оценки литературного наследия и его научного исследования. Г.Ибрагимов, рассматривая литературное наследие дооктябрьского периода лишь как «исторические материалы, относящиеся к определенному историческому периоду», отрицает его идейно-смысловое значение для

новой эпохи. Идеино-эстетическую ценность литературного произведения он оценивает с позиции сиюминутных нужд революционной классовой борьбы. Дж.Валиди выразил свое несогласие с мнением Г.Ибрагимова и заявил, что независимо от личного отношения писателя к революции литературное наследие не теряет своего права на существование и своей идейно-эстетической ценности. В полемическом пылу обеими сторонами было написано семь статей. Однако, как писал Дж.Валиди, «этот чисто литературный спор» порой «скатывался на почву националистических, коммунистических или консервативных, революционных и общеполитических взглядов» [7, с.3]. В дискуссии одержал верх Г.Ибрагимов, потому что его воззрения соответствовали политике, проводимой государством и партией в отношении художественной литературы. Желая внести ясность в данную проблему, Г.Ибрагимов написал программный теоретический труд «О пролетарской литературе» (1924), в котором обосновал новую концепцию литературной науки. Его идейные позиции нашли своих сторонников среди молодых литераторов: Г.Нигмати, Г.Гали, Ф.Бурнаша, К.Наджми и др.

В условиях распространения марксистско-ленинского учения о литературе теоретико-литературная мысль пыталась определить: в чем заключается ценность наследия Г.Тукая и его величие? В процессе разработки этого вопроса возникли разные тенденции. С одной стороны, литературно-теоретическая мысль начала 1920-х гг. стремилась отстоять дореволюционную концепцию изучения творчества поэта. С другой стороны, Тукай – это величайший талант, «светило нации», «титан, воплотивший в себе накопленную народом в течение многих веков национальную мощь, его интеллектуальный потенциал, пробудивший самые светлые надежды и чаяния на будущее» [1, с. 3]. В отношении его

творчества недопустимы легковесность и небрежность: оно требует и должной оценки, и должной меры ответственности, соответствующей его высочайшему уровню. Эту истину прекрасно осознавали и теоретики-литературоведы, и литературные критики. Очень интересны в этом плане опубликованные в 1923 г. статьи Дж.Валиди и Ф.Амирхана, посвященные 10-й годовщине со дня смерти Тукая. В этих критических работах, отмечая общечеловеческую ценность наследия Тукая, они отстаивали свои позиции на литературные проблемы: «Тукай имеет для нас не только историческое значение, его всегда будут читать и перечитывать» [8, с. 270].

Г.Сагди, Г.Нигмати, Ф.Бурнаш и др. в исследовании и оценке творчества поэта опирались на основные принципы нового направления в литературоведении, которое зародилось в начале 1920-х гг. В частности, статья Ф.Бурнаша «Общественные мотивы в стихотворениях Тукая» (в связи с 9-й годовщиной со дня смерти Г.Тукая) (1922) [9] написана под непосредственным влиянием концепции культурно-исторической школы, разработанной с позиций марксистско-ленинской теории. Он рассматривает творчество поэта в тесной связи с исторической эпохой и окружающей его средой, сосредотачивает внимание на исторических и социальных условиях создания Г.Тукаем своих произведений. Размышляя о народности и революционности творчества Тукая, Ф.Бурнаш предлагает исходить из этих же художественных особенностей и при оценке наследия Г.Тукая в послеоктябрьского периода. Далее он рассматривает одностороннее отношение Г.Ибрагимова к народности поэзии Тукая. Эти взгляды Г.Ибрагимова он увязывает с теорией «искусство ради искусства», получившей в советское время весьма негативную оценку.

В 1923 г. в периодической печати со статьей «Тукай в ряду татарских поэтов» выступил Г.Сагди [10]. Как следует из названия, цель автора – определить место Г.Тукая в истории татарской поэзии. Статья написана в полемическом духе, чувствуется стремление автора оспорить оценку, данную поэту Г.Ибрагимовым в книге «Татарские поэты» (1913 г.). Г.Сагди настаивает на необходимости исследовать творчество Тукая революционной эпохи, отмечая, что только «в период власти неимущих возможен более правильный взгляд» на наследие поэта [10, с. 2]. Однако заявленный ученым подход не оказал существенного влияния на литературно-эстетическое восприятие творчества Тукая. «Г.Сагди, будучи приверженцем культурно-исторического принципа, считает, что настоящую оценку Тукаю можно дать, изучая его творчество только в связи с общественно-экономическим базисом и соответствующими ему условиями... Хотя при этом он упоминает о марксизме и ссылается на термин «метод марксизма», но по сути своей, предложенный Г.Сагди научно-исследовательский метод является культурно-историческим методом» [4, с. 177]. В тезисной форме Г.Сагди перечисляет основные черты поэзии Тукая: это разнообразие видов поэтического мышления, богатство системы художественных образов, основные мотивы, народность, острота социальной сатиры, богатый народный язык, национальный классический стиль и др. Однако в данной статье исследователь не акцентирует внимание на традициях, идущих из религиозной и суфийской литератур, и на мировоззрении поэта.

Стремление к объективной оценке творчества Г.Тукая сохранилось вплоть до середины 1920-х гг. Здесь следует подчеркнуть ещё одно обстоятельство, способствовавшее расширению научных горизонтов тукаеведения: в 1920-е гг. были сделаны весьма плодотворные шаги по выпуску избранных сочинений и академических

изданий произведений Г.Тукая. Они сопровождались солидными вступительными статьями, посвященными творчеству поэта, которые позволяют определить отношение критики к наследию Тукая. В частности, сборник стихотворений Г. Тукая открывает состоящая из двух частей вступительная статья Ф.Бурнаша «Биография Г. Тукая. Взгляд на стихи Тукая» [11]. Статья, написана под непосредственным влиянием статьи Дж.Валиди к книге Г.Тукая, изданной в 1914 г., в которой довольно подробно был освещен жизненный путь поэта, раскрыты идейно-эстетические особенности его поэзии. Невзирая на специфику исторической эпохи и сильное идеологическое давление, Ф.Бурнаш попытался объективно оценить наследие народного поэта. Несмотря на то, что Ф.Бурнаш выдвинул на первый план связь художественной литературы с действительностью, он, тем не менее, учёл эстетическую ценность творческого наследия Г.Тукая.

Значение и обличительная сила сатирических произведений Г.Тукая не вызвали спора у критиков. Вторая часть статьи Ф.Бурнаша начинается с анализа его «непримиримой сатиры». Отмечая широкий размах сатирической лирики поэта, он пишет: «Сила сатиры Тукая была чрезвычайно велика и остра. Любое жизненное событие, любой недостаток окружающей среды находил своё отражение на кончике его пера. Он весьма умело и уместно пользовался сатирическими струнами» [11, с. 32]. Поэзию Тукая критик рассматривает в неразрывной связи с той средой, в которой он жил, воспитывался, получал знания. Под влиянием своей эпохи, будучи тенденциозно настроенным к литературному и культурному окружению поэта, Ф.Бурнаш отмечает, что уже в «своём раннем творчестве Тукай выступает против религии. Поэт знакомился с турецкой, религиозной и суфийской поэзиями, сидя за пологом в каком-то медресе, и когда, казалось, ему угрожала

опасность навсегда остаться в плену тех впечатлений, у него прорезался робкий голос с первыми незрелыми стихами, коими он объявил открытую войну против религиозной лиры» [10, с. 28]. Теперь уже не вызывает сомнения, что критические «стрелы сатиры» в произведениях поэта были направлены против консервативных и тёмных сил, стоявших на пути к свободе, счастью и национальному прогрессу народа, и против тех религиозных деятелей (мулл и ишанов), которые превратили служение религии в своеобразное ремесло, поставив во главу угла свои корыстные интересы. В поэзии Г.Тукая нет отрицания религии и отказа от веры в Аллаха. Г.Тукай был верующим человеком, получившим истинно мусульманское воспитание и строго придерживавшимся канонов ислама.

Ф.Бурнаш, обладавший утончённым художественным вкусом, обратил внимание на любовную и пейзажную лирику Г.Тукая. Рассматривая любовные переживания лирического героя, критик выделяет платоническую любовь «к красавице с чёрными бровями», материнскую любовь, любовь к родине, любовь к народу, общечеловеческую любовь. Этот вопрос освещается в контексте взаимосвязей западных и восточных литератур. Согласно Ф.Бурнашу, «отдельные стихотворения, как бы отклоняясь от Тукая – певца чаяний народных масс, напоминают строки Пушкина и Лермонтова» [11, с. 35]. Причиной малочисленности образцов пейзажной лирики, по его мнению, являются окружающая среда, географические и климатические условия родного края поэта. Ф.Бурнаш полагал, что скудная, суровая и непривлекательная природа севера не смогла вдохновить Тукая на воспевание родных пейзажей. Вместе с тем, он признаёт, что в духовном наследии поэта есть истинные жемчужины пейзажной лирики, например такие стихотворения, как «Воспоминание о летнем рассвете»,

«Шурале», «Луна и солнце». Без сомнения, Г.Тукай – истинно народный поэт. Звучащие в его стихотворениях мотивы чаяний народа и социальные темы – это бесценные черты его творчества. Поэтому и Ф.Бурнаш, довольно пространно рассуждая об этой особенности Г.Тукай, называет его «социальными весами» своей эпохи.

Из вышесказанного следует, что в 1917 – 1925 гг. научно-теоретическая мысль отстаивала мнение о народности творчества Г.Тукай, а его самого оценила как народного поэта. Духовное наследие Г.Тукай рассматривалось в тесной связи с общественно-национальной жизнью, с окружающей его средой и со спецификой исторической эпохи. При этом, сохраняя глубокое уважение к личности поэта, критики продолжали его возвеличивать и в целом высказывали положительное отношение к его творчеству.

В 1925 – 1930 гг. советская власть усилила давление на искусство и литературу, возлагая на них решение чужеродных задач: служить делу строительства социализма, интересам пролетариата и политике партии И.В.Сталина. Однобокая абсолютизация классовой принадлежности литературы и новый специально разработанный и навязанный теоретико-литературной мысли принцип партийности обусловили превращение искусства во что-то вторичное в обществе и сыграли большую роль в его идеологизации и бюрократизации. С этого периода начинается форсированное формирование монистической концепции татарской советской литературы и соответствующей ей критики и теории. Отказ от принципов психологической школы привёл к созданию социологической концепции и одной из её разновидностей – вульгарно-социологической концепции. Отныне классовость литературы становится главным критерием оценки творчества писателя и определения идейно-эстетической ценности литературного

произведения. Абсолютизация данного подхода приводит к искажению сути творчества Г.Тукая, а порой и к совершенно ложному вульгарному его толкованию.

Перед критиками и учёными ставилась задача подчинить личность и творчество Г.Тукая марксистско-ленинской идеологии и делу социалистического строительства. Г.Ибрагимов, разъясняя значение классовой принадлежности литературы, пишет: «... каждый литератор является не только выразителем взглядов своей общественной среды, но и её продуктом... Каждый литератор привносит в мир литературы чувства любви, ненависти, а также верования, обычаи (привычки), образ мыслей и даже язык своей среды» [5, с. 437]. В этот период на страницах периодических изданий стали печататься статьи, содержащие отрицательные оценки в адрес Г.Тукая и его творчества. Как известно, Тукай был выходцем из рода потомственных священнослужителей. Придерживаясь принципа классового подхода к произведениям литературы и искусства, Г.Гали назвал Тукая «мелкобуржуазным поэтом» [12, с. 71], а Г.Сагди отмечал: «Лирика Тукая всем своим содержанием, по языку и стилю, идейной направленности ориентирована на идеалы татарской либеральной буржуазии» [13, с. 220]. В тот период, «в литературном творчестве первоосновой считались общественно-идеологические ценности» [5, с. 508], в связи с чем подверглась ревизии идейно-содержательная сторона произведений Г.Тукая. Теоретики литературы и критики интересовались прежде всего общественно-политической направленностью и социально-классовым содержанием творческого наследия поэта.

Творчество Г.Тукая стало анализироваться с точки зрения идеологической борьбы. Господствовало мнение о том, что «произведения, идеологически не выдержанные, шаткие,

непоследовательные, приносят больше вреда, чем художественно слабые» [14, с. 321]. Например, в своей вступительной статье ко второму тому «Избранных сочинений» Г.Тукая Ф.Сайфи-Казанлы следующим образом охарактеризовал данное направление литературной критики: «В связи с тем, что перед нами в полный рост встала проблема социального воспитания трудящихся масс, изучение Тукая и показ его идейно-политической направленности в голом виде является одной из важных задач на идеологическом фронте» [15, с. 9]. Обострённое внимание к наследию Г.Тукая было связано, как отмечалось выше, с началом публикации в советскую эпоху избранных сочинений поэта и академических изданий. Актуальным стал вопрос: «Какие стихотворения Тукая предлагать рабоче-крестьянским массам?», ибо «среди этих сочинений могли оказаться «плохие» или «безвредные», существенно отличающиеся друг от друга по силе идеологического воздействия на рабоче-крестьянские массы» [12, с. 51]. Критическая мысль выступала против публикации стихотворений Г.Тукая с сокращениями и искажениями и какой-либо их ревизии. Если и возникнет необходимость публикации «вредных сочинений», чуждых для строителей социалистического общества и не укладывающихся в рамки марксистско-ленинской идеологии, то в качестве выхода из ситуации предлагалось «пропускать их через сито всесторонней марксистской критики» [14, с. 51]. Следует отметить, что и Г. Гали, и Ф. Сайфи-Казанлы признавали Г. Тукая «талантливым», «масштабным», «классическим» поэтом, отмечали высокий художественный уровень его поэзии. Однако художественные достоинства произведений, эстетические ценности считались неким второстепенным свойством поэзии. В период провозглашения «краугольными камнями литературы динамики, борьбы, классовости, коллективизма, труда и

интернационализма» [5, с. 452] критерий художественности был отодвинут на второй план. Ф.Сайфи-Казанлы по этому поводу писал: «При изучении Тукая ни в коей мере не исследуется только поэтичность его сочинений, а в качестве основных задач должны выступать другие вещи – смысловая сторона его творчества, то, какому классу они служат» [15, с. 21].

В научно-критической мысли второй половины 1920 гг. сложилось однобокое отношение к общечеловеческим ценностям, религиозно-нравственным традициям, романтизму в наследии Г. Тукая. В 1920 – 30-е гг. – период воинствующего атеизма критики – прежде всего исследовали отношение Тукая к исламу, связь его творчества с философией Корана и оценивали общественно-политический облик поэта. «Вульгарно-социологическая критика (Ф.Сайфи-Казанлы, Г.Тулумбайский, М.Максуд ...) ставит поэту в вину веру в Единственность Аллаха, признание ислама и его Священной книги как выражения высочайшей справедливости» [16, с. 14]. Представители вульгарного социологизма причислили Г.Тукая к разряду религиозных поэтов. Например, даже Г.Гали, не являвшийся ярким приверженцем вульгарного социологизма, в своей рецензии, опубликованной по случаю выхода в свет в 1926 г. книги «Стихотворения Г.Тукая», писал: «Если мы обратимся к разделу стихотворений для детей старого сборника Тукая, начинающемуся со стихотворения «Аллах Всевышний Творец», то увидим, что творчество Тукая насквозь пропитано религиозно-мистическим содержанием» [12, с. 54]. С этого же начинается отсчёт ступеней творческого роста Тукая и Г.Сагди, который в своих научных исследованиях стремился синтезировать социологический подход с отдельными критериями художественности [13, с. 220].

Общенациональный характер, национальный дух поэзии Г.Тукая в теоретическом труде Г. Ибрагимова «О пролетарской литературе» трактуются в противопоставлении интернационализму, который считался одной из основных особенностей советской литературы. Как известно, отношение критики 1920 – 1930-х гг. к романтизму как к разновидности художественного мышления было весьма неоднозначным. Романтизм порой трактовался как «чуждое, постороннее, реакционное» течение, выражающее консервативное, пассивное и пессимистическое настроение классов, социальных групп, уходящих с общественно-исторической арены. Устанавливается вульгарно-социологический подход к романтизму: в критических трудах и исследованиях истоки романтизма сводятся к идеализму. Таким образом, признаки романтизма, наблюдаемые в творчестве Г.Тукая, а также романтическое начало, свойственное его лирике периода реакции, объявляются чуждыми для трудящихся масс.

Итак, анализ литературно-критических материалов 1920 – первой половины 1930-х гг. позволяет сделать вывод о том, что отношение к личности и литературному наследию Г.Тукая переживает трансформацию. Исследование духовного наследия поэта, которое велось в соответствии с принципами культурно-исторической школы в рамках учения марксизма, в середине 1920-х гг. начало переходить на позиции формально-социологического направления. Подобная метаморфоза позволила в какой-то степени сохранить эстетические критерии в оценке творчества Г.Тукая. Однако ближе к 1930 гг., под давлением общественно-политических и идеологических перемен в тукаеведении начинают доминировать принципы социально-генетической школы.

Тем не менее, несмотря на большие противоречия и идейно-теоретическую борьбу, было признано, что Г.Тукай является народным поэтом. По нашему мнению, духовное наследие Г.Тукая послужило для видных теоретиков-литературоведов ориентиром при выработке собственных позиций в литературно-критической деятельности и способствовало утверждению марксистской теории литературы.

Список литературы

1. Тукай и культура XX века // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию поэта. Казань, 1997. 319 с.
2. Белая Г. Угрожающая реальность / Г.Белая // Вопросы литературы. 1990. № 4. С.3 – 23.
3. Загидуллина Д.Ф. Формирование и этапы становления теории татарской литературы (первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Д.Ф.Загидуллина. Казань, 2001. 67 с.
4. Галиева Э.Р. Культурно-историческая школа в татарском литературоведении / Э.Р.Галиева. Казань: Фан, 2002. 360 с.
5. Ибрагимов Г. Произведения: В 8 т. Т. 5: статьи и труды о литературе и искусстве (1910 – 1933) / Г.Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 586 с.
6. Гилязов Т.Ш. Основные тенденции развития татарской литературной критики в 20 – 30-е годы (проблема метода и героя): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ш.Гилязов. Казань, 1992. 25 с.
7. Валиди Дж. Пытались понять, но не сумели понять / Дж.Валиди // Татарстан хэбэрлэре. 1922. 11 марта.

8. Валиди Дж. Поэтика Тукая / Дж.Валиди // Современники о Тукае. Казань, 1960. С. 264 – 271.
9. Бурнаш Ф. Общественные мотивы в стихотворениях Тукая / Ф.Бурнаш // О литературе и искусстве. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. С. 43-49.
10. Сагди Г. Тукай в ряду татарских поэтов / Г.Сагди // Безнен юл. 1923. № 8/9. С. 2 – 7.
11. Бурнаш Ф. Биография Г.Тукая. Взгляд на стихи Тукая / Ф.Бурнаш // Собрание сочинений Габдуллы Тукая. Казань: Гажур, 1926. С. XXVI – LXIII.
12. Гали Г. Избранные сочинения / Г.Гали. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1958. 379 с.
13. Сагди Г. История татарской литературы: учеб. пособие / Г.Сагди. Казань: Татгосиздат, 1926. 312 с.
14. Гали Г. В борьбе за пролетарскую литературу/ Г.Гали. Казань: Татиздат, 1931. 134 с.
15. Сайфи-Казанлы Ф. Общественный и политический облик произведений Тукая / Ф.Сайфи-Казанлы // Сочинения Г.Тукая. Т. 2. Казань: Татгосиздат, 1929. С. I – XLII.
16. Абдуллина Д.М. Коранические мотивы в творчестве Габдуллы Тукая: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.М.Абдуллина. Казань, 2005. 29 с.

Статья публикуется впервые

09.02.2010

Abstract

T. Sh. Ghilazov

The paper deals with the attitude of literary critics of the 1920-1930s towards spiritual heritage of G. Tukai. Pre-revolutionary conceptions of studying the poet's output were criticized in new socio-cultural and literary environment. The analysis of the polemic of the 1920s reveals the influence of different theoretical school upon standard assessment of Tukai's works. But since the second half of the 1920s, in conditions of intensifying the monistic conception, the class nature of literature becomes the main criterion for assessment of his poetry.

Key words: cultural-and-historical school, Marx-Lenin aesthetics, formal sociological school, vulgar-sociological methodology.

Сведения об авторе

Гилязов Тагир Шамсегалиевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории татарской литературы Казанского государственного университета.

Рабочий адрес и телефон: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18, 2-ой корпус, ауд. 1102; тел. 8(843) 231-51-56, факс (843) 238-70-67.

Домашний адрес и телефон: 420126, г.Казань, ул. Ямашева, д. 69, кв. 17; тел: 8-843-520-59-64 (дом.); 89600458350 (сот.)

Электронная почта: e-mail: Tagir.Gilazov@ksu.ru